

В.С. Ившин¹
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОГО ГЛОССАРИЯ О ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЙ А. С. ШИШКОВА²

На основе методологии Кембриджской школы истории понятий, представленной Кв. Скиннером и Дж. Пококом, подробно исследуются «языковые» контексты российской политической культуры. В заключение автор на основе анализа коммуникативных сфер приходит к выводу о возможном отсутствии в трудах Шишкова рецепции европейских глоссариев о формах правлений (Аристотеля и Ш.-Л. Монтескье) и господстве в его творчестве традиции провиденциального монархизма.

Ключевые слова: консерватизм, провиденциальный монархизм, революция, форма правления, история понятий

V. S. Ivshin
Yekaterinburg

THE PROBLEM OF THE POLITICAL AND CULTURAL GLOSSARY ON THE FORMS OF GOVERNMENT BY A.S. SHISHKOV

Based on the methodology of the “Cambridge School of the History of Concepts” presented by Kv. Skinner and J. Pocock, investigate in detail the “linguistic” contexts of Russian political culture. In conclusion, the author, based on the analysis of communicative spheres, comes to the conclusion about the possible absence in Shishkov’s works of reception of European glossaries on the forms of government (Aristotle and C.-L. Montesquieu) and the dominance of the tradition of providential monarchism in his work.

Keywords: conservatism, providential monarchism, revolution, form of government, history of concepts

Исследователи российской общественно-политической мысли по-прежнему находятся в поиске наиболее адекватных и перспективных методологических инструментариев анализа идей, представлений и поведения человека прошлого. Более того, данный поиск лишь обострился в условиях методологического плюрализма современной историографии.

Эта общая историографическая тенденция, кажется, обошла стороной отечественные исследования, посвященные анализу российского «раннего» консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. Исследователи данного направления во многом остаются «консервативны» в плане методологических подходов, отталкиваясь главным

¹ *Ившин Владислав Сергеевич* – магистрант, ассистент-исследователь кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Екатеринбург, Россия. E-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства Свердловской области, проект № 20-49-660015 «Екатеринбург-Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX вв.)».

образом от методологической оптики, предложенной К. Мангеймом. Согласно «мангеймовской» традиции, целостная идеология консерватизма возникла не ранее 1800 г. как реакция на события Французской революции 1789 г. (ставшая своеобразным воплощением «просветительской» теории прогресса, либерализма, сциентизма, рационализма и т.д.), а до этого момента существовал исключительно традиционализм. Последний, согласно К. Мангейму, психологичен, дорефлективен и инстинктивен, консерватизм, напротив, сознателен и рефлексивен³. Центральной проблемой для исследователей, использующих данный подход, остается вопрос, что собственно считать «традиционализмом», а что «консерватизмом»?

Отвечая на поставленный вопрос, исследователи российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. обычно делятся на два условных лагеря: тех, кто пытается отыскать «исток» консервативной идеологии, опровергнув тем самым «реакционный» характер консерватизма⁴, и тех, кто следует за «мангеймовским» определением консерватизма, признавая его реакционность на события Французской революции 1789 г. Последние чаще всего пытаются определить консерватизм с помощью заранее определенных и описанных наукой ценностей, присущих, по мнению исследователей, консервативной идеологии (вера в сильное, монархическое государство, социальное неравенство, антииндивидуализм и др.)⁵.

Данный подход ведет к искусственному причислению одних авторов к консерваторам, других – к либералам или социалистам, а также к умножению спектра доктрин-идеологий. Наиболее часто это происходит в случае, если идеи того или иного деятеля сложно подвести под одну конкретную доктрину-идеологию, следовательно, необходимо «придумать» идеологический синтез: «либерально-консервативный», «консервативно-националистический», «религиозно-консервативный» и др. Такая типологизация приводит к тому, что отпадает необходимость скрупулезного анализа идей исторического деятеля:

³ Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. Е. Н. Балашов // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 184.

⁴ Краус Г.-К. Истоки и зарождение политического консерватизма в Германии и Западной Европе // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога. Воронеж, 2012. С. 16–18; Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2014 С. 9–12.

⁵ Подробнее см.: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. 440 с; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.

достаточно лишь классифицировать их под устоявшиеся «клише» идеологий.

Несмотря на критику подобного подхода, начатую в западноевропейской историографии с середины XX в. С. Хантингтоном, «мангеймовский» конструкт остается довлеющим в современной отечественной историографии, посвященной данному периоду. Хантингтон, кроме критики «мангеймовского» подхода, выступил против «автономного» определения консерватизма, рассматривающего идеологию с позиции универсальных, автономных идей⁶. Он пришел к выводу о «ситуативном» характере консервативной идеологии, призванной удовлетворить конкретные потребности общества в конкретный момент времени, став ответом на «значимую социально-политическую ситуацию»⁷.

Предложенная схема укладывается в «хантингтоновскую» матрицу «вызов» – «ответ» или «инновация» vs «реакция», что в некотором смысле сближает его с советскими исследователями общественно-политической мысли. Данная традиция советской историографии восходит к Ю. Н. Тынянову, рассмотревшему «языковой спор» между «карамзинистами» и «шишковистами» начала XIX в. с позиции противопоставления «прогресса» («карамзинистов-новаторов») «регрессу» («шишковистов-архаистов»). Причем «архаисты» (консерваторы) преподносились как реакционеры и противники прогресса, тогда как «карамзинисты» олицетворяли «прогрессивные начала» в общественно-политической жизни⁸. Отметим, что подобный ряд оценок прослеживается и в современных исследованиях, посвященных одному из видных представителей российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. – А. С. Шишкову⁹.

Все вышеперечисленные подходы, в сущности, тяготеют к упрощению социально-политической действительности и приводят к недооценке авторской интенции, девальвации значения эволюции авторских взглядов, коммуникативных контекстов, целей и задач конкретных текстов. В рамках данного исследования мы предлагаем рассматривать консерватизм не как большую доктрину-идеологию с

⁶ Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 231–232.

⁷ Там же. С. 245.

⁸ Подробнее см.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. М., 1929. С. 87–228.

⁹ Подробнее см.: Гребенников А. Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. 316 с.

универсальными ценностями, а как своеобразную манеру политической речи – глоссария риторических стратегий и идиом, отражающих как авторскую риторику (индивидуальность), так и следование эпохальным «языковым» манерам рассуждений на ту или иную тему.

Таким образом, речь пойдет о применении методологических подходов Кембриджской школы истории понятий за авторством Кв. Скиннера и Дж. Покока на материале политико-культурного глоссария о формах правлений А. С. Шишкова. Мы не ставим задачи детально раскрыть методологический инструментарий Кембриджского школы интеллектуальной истории, на данный момент существует обширная русскоязычная литература по этой теме¹⁰. Однако необходимо отметить, что методологические подходы «истории понятий» (немецкой и английской школ) за последние несколько десятилетий оказались наиболее перспективными методиками анализа российской общественно-политической истории, а также наиболее востребованы специалистами различного исторического профиля¹¹.

Французская революция 1789 г. казнью короля Людовика XVI как никогда ранее придавала актуальности вопросам о политическом суверенитете монарха, а также отразилась целой плеядой трактатов-рассуждений европейских авторов об «идеальной» форме правления. К слову, не только апологетических, направленных в защиту монархии или конкретных персон монархов. Подобные рассуждения, помимо апологетики одной из форм правлений, затрагивали нарратив рассуждений о других формах правлений. Как доказать, что республиканизм лучше, «идеальнее» всех остальных форм правления, не затронув при этом монархизм? Исторические акторы данного периода, рассуждая об одной из форм, прямо или косвенно касались иных форм правлений. Фактически это дебаты, разворачивавшиеся в различных коммуникативных контекстах под импульсом Француз-

¹⁰ Подробнее см.: Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т.Атнашев, М. Велижев. М., 2018. 632 с.; *Покок Дж. Г. А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция* / пер. Т. Прусской, под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М., 2020. 888 с.; *Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков* // НЛЮ. 2015. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/4/5av.html> (дата обращения: 13. 09. 2020); *Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева* // НЛЮ. 2015. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/9v.html> (дата обращения: 13. 09. 2020); *Тимофеев Д. В. Методология «Истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века* // Новое прошлое. 2016. №4. С. 155–168.

¹¹ *Тимофеев Д. В.* Указ. соч. С. 158–159.

ской революции, в которых тексты-высказывания акторов преследовали различные цели: критики, апологетики или простого размышления об идеальной форме правления.

Р. Пайпс отметил, что «квинтэссенцией русского консерватизма» всегда оставалось «самодержавие»¹². Эту характеристику Пайпсом российского консерватизма можно соотнести с политической риторикой А. С. Шишкова. Будучи апологетом монархической власти, а также «истинным подданным своего Отечества», вопрос об идеальной форме правления он никогда не ставил. В отличие от своих европейских коллег-современников он не производил масштабных трактатов в духе наследия античной философии и французских просветителей, а действовал исключительно в сложившейся российской традиции политической культуры. А был ли он вообще знаком с европейскими глоссариями о формах правлений (главным образом «Политикой» Аристотеля и трактатом «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье)?

Политический глоссарий о формах правлений Аристотеля распространялся в российском политическом языке с конца XVII в. и постепенно был адаптирован в XVIII столетии¹³. Вместе с тем из-за отсутствия в творческом наследии Шишкова «больших» трактатов достаточно сложно судить о том, был ли действительно знаком Шишков с данным глоссарием, не говоря уж о трактате Ш.-Л. Монтескье, чье хождение в Российской империи имело ограниченный характер¹⁴. Шишков еще во времена Екатерины II усвоил и успешно использовал глоссарий providentialного монархизма, позволивший интерпретировать монарха как чудотворца, полубога и героя, творящего почти божественные дела. Обращаясь к теме монархической власти, он использовал уже устоявшийся на тот момент панегирический жанр оды и присущие ей элементы: солярные метафоры, подчеркнутая значимость «наук», «мудрости», «порядка», «справедливости», а также образы орла и скипетра и т.д.

Уже в раннем творчестве, в небольшой пьесе «Невольничество» (1780), близкой по духу и содержанию к панегирической оде, повествующей о выкупе пленных христиан Екатериной II, он использовал

¹² *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / пер. с англ. И. Павлова. М., 2008. С. 12.

¹³ Подробнее см.: *Бугров К. Д.* Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 198–221.

¹⁴ Подробнее см.: *Киселев М. А.* Трактат *De l'esprit des lois* Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1131–1148.

ряд метафор, характерных для последующих сочинений. Главным действующим лицом пьесы предстают отнюдь не пленники, а сама монархиня – Екатерина II («матерь Отечества»). Шишков наделяет ее ореолом христианских добродетелей и отводит ей роль политической организации государства, в котором она является «матерью» над своими подданными («семьей») и отечеством¹⁵.

Данный образ «матери» и библейская риторика присутствуют в другой оде времен Екатерины II. Российская империя, по мнению Шишкова, является «блаженной из всех стран <...> под орлим скипетром и крылом <...> счастливейшая из всех племен, не знает пагубных перемен». Империя, в которой над «стадами тельцов и агнцев» правит мудрый добродетельный монарх – Екатерина II – «пастор» в царстве «тишины и благодати»¹⁶. Адмирал акцентирует внимание именно на монархе, ибо только под ее скипетром все находится в «гармонии», а подданные пребывают в добродетели. Шишков описывает монархию через солярную метафору: Тобой, как солнцем осеяна, / Ликует Росская страна¹⁷.

Далее же он смещает свою риторiku к характеристике государственных благ, господствующих под «орлим скипетром» и «монаршей благодатью»: «во градах светит красота»; в судах «совесть предстает зеркалу»; «художеств и наук собор увеселяют ум и взор»; могущественные армия и флот. Природа монархического правления также описывается через провиденциальное, божественное происхождение монархии: Не Он [бог] ли даровал Петра? / Не Он ли днесь Екатерину/ Для общего послал добра?¹⁸

Большое значение в данной оде играет контраст, ведь Ода была написана в 1795 г. в период уже разворачивающейся Французской революции 1789 г. Франция ввиду своего «безначалия» пребывает в «токах крови», а французское общество испытывает «бедную добродетель», «хищническую праздность», «безжалостность», «звериной дикости», «ад самый содрогнется, внимая страшным сим делам»¹⁹.

Подобную риторiku о божественном происхождении монархии Шишков использует в «Стихах при восшествии на Престол Импера-

¹⁵ Шишков А. С. Невольничество // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. XII. С. 14, С. 30-31.

¹⁶ Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–144.

¹⁷ Там же. С. 145.

¹⁸ Там же. С. 145.

¹⁹ Там же. С. 146–150.

тора Александра I», так же являющихся панегириком: О Боже праведный! Твоей святой рукою / На троне Александр; Ты с ним и он с Тобою²⁰.

Если продолжать в данном ключе, начало правления Александра I должно было ознаменоваться торжеством добродетели: «С ним [Александром] правосудие воссядет на престол»²¹. Тем не менее реформы первых лет царствования Александра I встретили неодобрение со стороны «екатерининских вельмож», к коим с натяжкой относился и Шишков, а также их отдаление от придворной сферы. Оказавшись, таким образом, в своеобразной «оппозиции» преобразованиям молодого императора, Шишков занялся публицистикой, перенося в ее содержание барочные мотивы панегирических текстов. Именно в это время выходит *magnum opus* Шишкова – «Рассуждение о старом и новом слоге...», в котором он выступил против галломании российского дворянства. В данном тексте адмирал напрямую не касается темы монархизма, но приводит в качестве подкрепления своей аргументации против галломании отрывок из сочинения А. В. Суворова, который открывался вопросом: «И воистину, бывало ли когда-нибудь народодержавие (курсив мой – В. И.) долговременно?»²². Отрывок целиком посвящен критике «народодержавия», которое, по мнению Суворова, «семена своего разрушения в самом себе носит», из-за чего подданные постоянно устраивают мятежи, поддаются властолюбию и т.д. При этом «народодержавие» со временем превращается, по мнению автора, в «единоначалие», которое является «началом» и «концом» всякого правления²³. Можно предположить, что для Шишкова не существовало и не существует иной формы правления, кроме монархической.

Иной пласт, прослеживающийся в вышеописанном фрагменте, – это идея преемственности правления, а также апелляции к историческому опыту (прецеденту). Монарх, помимо того, что несет добродетель подданным, сам должен обладать определенным набором качеств-добродетелей: «...надлежит чтить мудрость праотцев, и неудоб себе мыслить превыше их разума...»²⁴. Для адмирала опыт пред-

²⁰ Шишков А. С. Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 177.

²¹ Там же. С. 177.

²² Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. II. С. 328.

²³ Там же. С. 328.

²⁴ Там же. С. 328–329.

ков был одним из источников добродетели наряду с православной верой. Данный тезис подтверждается еще одним сочинением адмирала, в котором он призывает монарха править с опорой на опыт предков, а также опереться на православную веру, из которой «народоправитель черпает мудрость, закон силу, судья правду...»²⁵. Именно православная вера, по мнению адмирала, была источником верности поданных своему государю.

Другой элемент глоссария о формах правлений Шишкова – история и шире – прошлое как источник добродетелей и, по мнению адмирала, вечных истин. Обращение к прошлому было возможностью доказать вечность института монарха, а также доказать невозможность существования иных форм правлений. Отчасти из-за календарного совпадения, отчасти из-за образности данного события, Шишков апеллирует к примеру Смутного времени, когда «Россия без главы; нет в ней царя; Вельможи все вкупе разделены, а каждый порознь слаб и маловластен; народ мечется, унывает, страждет...» – это описание почти совпадает с описанием французского «безначалия», но в отличие от французов российский кризис, согласно Шишкову, удалось разрешить консолидацией российского общества под эгидой православной веры и языка²⁶. Данный нарратив о Смутном времени может свидетельствовать об отсутствии рецепции адмиралом европейских глоссариев о формах правлений или же быть для адмирала более близким примером отсутствия добродетелей во время «безначалия», нежели революция.

Позже он использует органицистскую метафору: «Государь и отечество есть глава и тело. Едино без другого не может быть ни здраво, ни цело, ни благополучно»²⁷. Таким образом, монархия для адмирала была неотделима от государства и опыта предков (преемственности опыта), а добродетельный самодержец неотделим от главного источника монархической добродетели – православной веры. Если хотя бы одно из звеньев этой цепочки отсутствует, то наступает всеобщий кризис. Именно по этой причине, согласно Шишкову, французы, «избравшие» Наполеона «в цари, или справедливее сказать в атаманы», были обречены на всеобщую деградацию добродетели.²⁸ Из-за отсутствия преемственности, а также правления в отрыве от истори-

²⁵ Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 15. С. 37.

²⁶ Там же. С. 19.

²⁷ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 142.

²⁸ Шишков А. С. Записки... С. 270.

ческого опыта и религии, согласно Шишкову, воцарение Наполеона не завершило революции («народодержавия»/«безначалия»), а являлось прямым продолжением революции со всеми вытекающими кризисами добродетелей.

Таким образом, вопрос об идеальной форме правления для адмирала Шишкова никогда не стоял – это всегда была монархия. Причем даже косвенные рассуждения на данную тематику, написанные им во время революции и антинаполеоновских войн, свидетельствуют об отсутствии использования Шишковым европейских глоссариев о формах правлений Аристотеля и Ш.-Л. Монтескьё. Он использовал традицию провиденциального монархизма, более близкую и разработанную в российской политической культуре. Этот тезис, однако, не дает с уверенностью утверждать, что адмирал не знал как минимум одного из европейских глоссариев. Адмирал все равно сравнивает «добродетельность» форм правлений, приводя аналогии с «безначалием» Смутного времени.

Его риторические стратегии сакрализации монархической власти соответствовали традиции провиденциального монархизма (наделение монархической формы правления и самой персоны монарха определенными добродетелями, уподобление монарха богу (полубог, герой)), а также контексту российской барочной панегирической культуры. При этом в публицистической сфере наблюдается апелляция к историческому опыту (преемственности) монархической власти. Подобная конфигурация провиденциального монархизма допускала свержение «безначальной»/«деспотической» власти, основываясь на отсутствии исторической преемственности данных форм правлений, а значит, и краткосрочности подобных правлений.

Библиография

1. Бугров К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. 580 с.
2. Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // НЛО. 2015. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/4/5av.html> (дата обращения: 13. 09. 2020).
3. Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // НЛО. 2015. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/9v.html> (дата обращения: 13. 09. 2020).
4. Гребенников А. Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. 316 с.
5. Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2014. 416 с.

6. Киселев М. А. Тракта́т De l'esprit des lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. Р. 1131–1148.
7. Краус Г.-К. Истоки и зарождение политического консерватизма в Германии и Западной Европе // *Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога*. Воронеж, 2012. 212 с.
8. Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. Е. Н. Балашова // *Диагноз нашего времени*. М., 1994. С. 152–186.
9. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.
10. Пайнс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / пер. с англ. И. Павлова. М., 2008. 252 с.
11. Покок Дж. Г. А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. Т. Прусской, под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. М., 2020. 888 с.
12. Тимофеев Д. В. Методология «Истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // *Новое прошлое*. 2016. №4. С. 155–168.
13. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. М., 1929. 581 с.
14. Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. А. Закутина // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 1. С. 229–250.
15. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова / под ред. Н. Киселева, Ю. Ф. Самарина. Берлин, 1870. Т. 1. 479 с.
16. Шишков А. С. Невольничество // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1828. Ч. XII. С. 1–32.
17. Шишков А. С. Ода на покорение Польши // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–154.
18. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1824. Ч. II. С. 1–356.
19. Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. 53 с.
20. Шишков А. С. Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I // *Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова*. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 177.